

Пионерская ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВКП(с) - Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

год издания 49-й
№ 81 (3768)

★ Вторник, 9 октября 1973 г.

★ Цена 1 коп.

Кажется, было это совсем недавно. «Здравствуйте, дети! — сказала самая первая в их жизни учительница. — Теперь вы не просто мальчики и девочки. Теперь вы ученики первого класса...» Промелькнул год — и понабились они на ступеньку выше. Обижились, если кто-то называл малышками. Второклассники разве малыши? А потом был третий класс. И всё время рядом самая первая их учительница...

Теперь они четвероклассники, и на уроки к ним пришли новые учителя. Каждый новый предмет, каждый проведенный в школе день — настоящее путешествие в страну Знаний. И путешествия это непрерывно продолжаются.

Москва, школа № 818.

Фото В. ГУСЕВА.

ВЫИГРЫВАЕМ ДРУЖБУ

Это очень важно уметь собирать и стаскивать всякие железки. Приспособь, например, Гия Хуштария детский скрипаческий велосипед и хоть со страшным скрипом, а догадкавал на нем свой дом. Но вот с тяжёлыми поделками завязали: трудно тащить, и тут наши шефы пришли на помощь — восьмиклассники.

Всё тяжёлое вместе с нами тащил Лёна Залонский. Он был нашим вожатым в городском пионерском лагере. Лёна много умеет, и газету оформит, и лучше всех горит. А ещё теперь мы знаем, что он сильный, ловкий. И не покрикивает, а больше шутит. Только от такой шутки иному лентяю хоть свизво земля провалится. Восьмиклассница Яна Бромфан тоже помогала нам. Одна из

наших девочек сказала, что мама не разрешает ей шнырять по дворам, пакататься. И сама себя в учётчики поминала: злышавать, кто что притачил. Так вот Яна пообещала, что поможет нам подготовить всевозможные ИВН про выбор профессии и, кстати, про выбор профессии учёными.

Теперь наш шестой всегда собирает лодку вместе с восьмиклассниками. У других ребят свои складки лома. А у нас с шефами — общины. Кто-нибудь со стороны нет-нет, да и шепчет: вы же проигрываете, лопухи. А мы думаем иначе: мы дружку выигрываем!

Лёна НЕСОЯН,
председатель Совета друзей.

г. Тбилиси, школа № 41.

ЗНАЯ, СПРЯТАННОЕ ВО РЖИ

Они ничем не прославились. Те, кого искали.

Они не стреляли в фашистских солдат, не лускали под откос поезда. Они были ещё мальчишки. Не умели стрелять. Не умели прятаться от бомб, раздвигать по гуду наши и вражеские самолёты — ничего не умели, потому что был первый день войны.

Фашисты сбрасывали бомбы прямо на их брезентовые палатки, на печатные дорожки.

А домой было нельзя. Уже были отрезаны врагом Ливна, Даугавпилс и другие города, откуда ребята приехали в пионерский лагерь. Ни они, ни их матери ничего не знали друг о друге. Вожатые перевозили ребят на лодках, ночью, чтоб отравить скорей эшелон и тыл.

...Всё это рассказали мне Галя Турки и мальчиш, которых я застала в клубе «Данко». Они складывали что-то в свои рюкзаки, торопились опять в эшелон. Клуб был похож олять на музей, и на походный бивуак, и на какое-то очень солидное учреждение с огромным множеством оборудования, толстых занавес, набитых пухом, и фотографий.

Перед следователями я всегда немного терпела. Ливна и фактов рушится на тебя. А газета любит короткие истории. Короткие, яркие.

И я решаю, что напишу про них. Когда они — те ребята, ничего не знавшие о своих лагерях, если наконец в эшелон, чтобы уехать в тыл, у них было с собой знания. Они несли его от самого берега моря, из лагеря. Наверное, они потом стояли у них в чужой лагерь, в бивуак, в море — после переправы или переплачивания землёй... Я спрашиваю:

— Где оно, это знание?

— Это трудный вопрос. Я вижу, третий год пытаются проследить нуть полубразного эшелона, коевавшего по дорогам войны. Трудный, долгий путь, день за днём.

Их было много, танки эшелонов. В таком же когда-то ехала и я. Всюду спешили увезти ребят от войны...

Известно, например, что фашисты про тот эшелон писали в газете: «Русские вывели детей из лагеря, чтобы убить по дороге...» Эту газету не удалось найти. Про неё рассказывала Янина Теофильевна Макаровская, она жила в Риге. Однажды ей позволили, она пришла в клуб. В клубе уже сидела Валда Яковлевна Кемурджяни — приехала из Ленинграда.

Она обо долго не узнавала друг друга. Но вдруг, наверное, по лицам ребят поняла, что позвали их испросят: «Янина?», «Валда, ты?», «Три года лет не знали ни друг о друге!», «Помнишь Самиконю?», «А помнишь, потом мы выступили по радио, чтобы там, у Балтийского моря, кто-нибудь нас услышал, и как ты крикнула: «Мама, мы живы!»

Невозможно забыть, как однажды у маленькой станции на Псковщине над их эшелонным повоз «юнкерс» и стал сбрасывать бомбы...

...Я вспоминаю, как и наш машинист то останавливал эшелон, то вдруг гнал его, всё время меняя скорость. Наверное, он первый раз в жизни всё так пошёл. Он, как мог сбился с толку стараясь, бросавшего и бросавшего бомбы...

Три года подряд Галя Турки с ребятами из «Данко», с колхозником своим — Сестлавой Гринштой жили в тех местах почти по месяцу. Нот уже той железнодорожной ветки. От маленькой станции остался кирпичный остов, заросший кустарником. Поблиз — холмы, а враспашку долины — теперь в стороне... Ребята ходили из дома в дом, слушали, что рассказывали. Очень хотелось найти знания.

Эшелон после бомбежки не мог идти дальше. Несколько ребят пострадали, убило вожатую... Местные жители взяли к себе всех — весь поезд.

Отгорели. Начальник станции не спал которые сутки, общал: «Эшелон с ребятами уйдёт. Чего бы ни стоило». Немцы могли вот-вот нагрянуть. Нельзя было, чтобы знания пошло и врату. Ребята закопали его на краю ржаного поля, недалеко от станции.

— Никак не можем найти его, — сказала Галя.

Мерз Яковлевч Хиршоп — один из тех, кто был в эшелоне, — поехал искать вместе с ними. Только поле очень большое! А ориентиры — уж очень по-современу вспомнил их Мерз Яковлевч.

— Вот там — да, да, это точно! — тогда стоял грузовик, бойды соскочили с него, отделили нас всей своей папой и клуб, там, там, там женщины кутали в платки наших самых маленьких: они перенурались, не могли даже плакаться...

— Мы не бросим раскопки, — сказала Галя. — Поедем ещё раз.

Казалось бы: не лишнее ли упрямятся? Может, вообще не стоило так дотошно, подробно узнавать, вычленивать из карты путь этого поезда? Скорее всего, уже взрослые, ехавшие тогда вместе? Узнавать имена ребят, погибших тогда при бомбёжке, снышавшихся пропавшими без вести? Узнавать новые подробности горьких дней?

Я раздумывала об этом. Потом представляла: врать и ко мне стучаться ребята. И говорил: «Помните, эшелон ваш застрял тогда на маленьком попутном...» Конечно, помню. Я тогда подлезла под поезд на другую сторону, хар и клуб, сел там. Мы ехали в товарном вагоне из-под угла, без крышки. Поезд вдруг тронулся, и кто знает, по чьей тревоге он набрал и набрал скорость, я боялась за ним. Зацеп! Двери были с другой стороны. Из вагона отчаянно звала сестрёнка. Чист-чист, руки в кровь поранила, хватил меня и на бегу с силой бросил вверх, через борт вагона. Кто это был? Помню только плечико, съезжавшее из-под неё бинт. Если бы знать кто! Где он теперь? Жив ли!

Важно ли это для меня! Очень. Я помню об этом всю жизнь. Наверное, не бывает, не может быть ничего, что было бы неважно для нас — всех, кто знал цену негрозному подвигу дедушка.

(Наш специальный корреспондент).

г. Рига.

РАЗВЕДЧИКИ СОКРОВИЩ

Кварцевый порфир с молибденитом, малахит, пирит, драгые горного хрусталя... Сколько красоты, таинственности в этих удивительных названиях!

В коллекции Игоря Чернышова не один десяток минералов. Он знает не только названия, но и чем интересен, богат каждый камень. С десяти лет Игорь каждое лето уезжает с отцом-геологом в экспедицию.

Конечно, многие мальчишки заводжали Игорю. Вот почему, когда в школе появилось объявление «Организуется геологический кружок», записались в него все друзья Чернышова. И сам Игорь тоже. Мальчишки учились определять минералы, описывать геологические обнажения, работать с горным компасом, составлять карты. На занятия приходили шефы — геологи Текелийской геологоразведочной экспедиции. А настало лето — звалили юные геологи рюкзаки за плечи...

На республиканский слёт ребята средней школы № 5 города Текели привезли документ, подписанный главным геологом Джунгарской геологоразведочной экспедиции П. А. Руденко. Говорится в этом документе, что ученики обнаружили в бассейне реки Жаманбатпак четыре кварцевые жилы, в которых анализом установлено наличие золота. А на участке Черкасай ребята обнаружили выход мелкозернистого массивного мармара. Находки проверяются геологами.

Т. П. ФЛЕРОВА,
руководитель кружка.

Талды-Курганская область,
г. Текели.

В СЕМЬЕ ВЕЛИКОЙ, БРАТСКОЙ

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БЛИЖИМ ВОСТОКЕ

Весь мир с тревогой следит сейчас за событиями на Ближнем Востоке. В результате ионийской агрессии 1967 года Израиль захватил силой у Египта, Сирии и Иордании значительные территории. С тех пор прошло больше шести лет. Пользуясь поддержкой империалистических кругов, Израиль постоянно навладал обстановку в этом районе мира. На оккупированных территориях создавались военнизированные поселения. Отказываясь осудить захваченные земли и решить конфликт мирными средствами, правительство Израиля устраивало постоянное провокация на линиях прекращения огня, угрожаю новой войной своим соседям.

6 октября на Ближнем Востоке вновь вспыхнули военные действия. После тщательной подготовки и мобилизации резервов израильские войска совершили нападение на Египет и Сирию. Бой идут на линии прекращения огня в Сирийском районе Голанских высот, вдоль Суэцкого канала. В сражении участвуют авиация, артиллерия, танки, пехота.

В коммюнике египетского верховного командования говорится, что в первый день боя с израильскими агрессорами было сбито 27 самолетов, уничтожено 60 танков противника. Отдельные подразделения египетских войск успешно фор-

сировали в нескольких местах Суэцкий канал.

В районе Голанских высот сирийские сухопутные части успешно продолжают атаковать позиции противника.

На всей территории Египта и Сирии объявлено чрезвычайное положение. В прифронтовых районах закрыты школы, эвакуируются в синий цвет фары автомобилей, вводится полная светомаскировка.

Советский Союз, другие социалистические страны постоянно выступали в поддержку справедливой борьбы арабских народов. «Если же правительство Израиля», — говорится в Заявлении Советского правительства, — выходясь в плане своих империалистических устремлений, останется глухим к голосу разума и будет по-прежнему продавать захватническую политику, удерживая оккупированные арабские земли, и игнорируя решения Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, бросая вызов мировому общественному мнению, то это может дорого обойтись народу Израиля. Ответственность за последствия такого неразумного курса будет полностью нести руководство государства Израиль».

В ПОДВОДНОМ МИРЕ

Когда я вернулась из очередной глубоководной экспедиции, раздался звонок из редакции: «Что интересного удалось узнать о подводном мире?»

Вместе с коллегами по Институту географии Академии наук СССР мы совершили несколько погружений, чтобы изучить подводные каньоны возле мыса Пингуче.

Берег в районе мыса Пингуче всё время отступает под воздействием волн. Материал, слагающий пляж — галька, песок, валуны, безразлично уносится в глубины моря по подводным оврагам — каньонам. Предполагаю, что поглащают этот материал не все каньоны, поступающие к Пингуче, а только часть из них. До сих пор сведения об этих каньонах получали с помощью установленных на судах ультразвуковых эхолотов с самописцами. А как выглядит каньон на самом деле? И какие из них опасны для человека? Это предстоит определить.

Погружамся по вертикали вниз. Свет тускнеет, но на глубине пятидесяти метров ещё видно, как уходит наверх, кончающийся бидеицей медуза и светлые точки планктона. Включаю светильники и тут же замечаю небольшую, длинную около метра акулу. Подплывает ещё акула, ещё... Погружамся медленнее, и нас сопровождает вектор из десяти — пятнадцати акул. Они держатся на положительной дистанции, а потом остаются наверху. Внизу возникает большое белое пятно. Это морское дно. Идем над бабьим, чуть желтоватым грунтом. Вдруг светлый фон исчезает, и под нами — черная бездна. Это каньон. Стопорим ход и спускаемся вниз, осматривая стенки каньона. Слой серой породы иногда образуют выступающие карнизы.

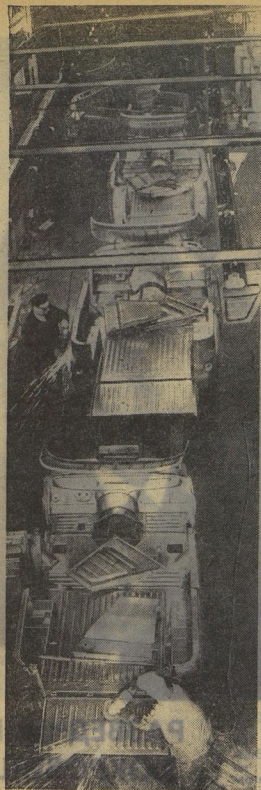
Стены будто вырезаны резцом скульптора, не видно никаких следов размыва или другого, механического воздействия. Вероятнее всего, наблюдаемый каньон — это глыбчатая тектоническая трещина.

По чередующимся один за другим обрывам, как по ступенькам, спускаемся всё глубже. Наши прожекторы выхватывают на грунте какие-то сверкающие полоски. При ближайшем рассмотрении выясняем, что это отдельные мертвые рыбы, главным образом ставриды. По-видимому, мы вошли в сероководную зону, иначе нельзя объяснить, почему эта рыба не разлагается или её не поедают другие морские животные. Продолжаем идти по чреву каньона, проследивая, до каких глубин в его русло встречается галька или валуны, несущиеся прибоем с берега...

По предварительным данным, из восьми обследованных нами каньонов только один прорезается в прибрежную зону и в большом количестве «пожирает» пляж. Поэтому он и получил название «Акула». Теперь ниже нам предстоит решить, как «перегордить» каньон и спасти от разрушения пляж.

Результаты наблюдений за изменениями в прибрежном участке под водой и выявление роли каньонов в этих изменениях помогут установить закономерности этого явления не только в Черном море, но и в других водных бассейнах.

В. АМАНА,
кандидат технических наук.

Перед вами полуавтоматическая линия для сварки кузовов легковых автомобилей «АЗ-469». Она смонтирована на Ульяновском автозаводе. Постоянно повышается уровень механизации и автоматизации производства, коллектив завода обязался выпустить к концу года сверхплановую продукцию более чем на 6 миллионов рублей.

Фото Ю. ВЕЛОДЕРОВА.
(Фотохроника ТАСС).

СЛОМАННЫЙ КИТ

НА СОЛНЕЧНОМ полднике на берегу речки Ирмес, сидели ребята. Когда я вышла из берёзовой аллеи, один из них сорвался с места и ринулся в кусты. Я подошёл к остальным. Возле них валялись берёзовые сучья, согнутые в дугу ветки ветлы и надломленные ивгучицы.

Ребята взглянули на меня, засмеялись и выпятили из карманов ножи. Один из них привстал и крикнул:

— Выходи, Вовка! Не бойся! Это не дядя Боря.

Подошёл Вовка, в фуфайке, но босяком, в руках тоже нож, нос в нос-

тунчика — подошёл, взял с земли ивгучицу, надел её и перешагнул окончательно.

Мы стали знакомиться. Четыре друга: Шура Мошнев, Вова Новиков, Серёжа Колотилов и Саша Поляков. Учатся в третьем классе. Живут в посёлке из двадцати крепких домов, стоящих на пригорке.

Я спросил: в это такой дядя Боря и посылку Вовке Новикову от него в кусты прятал? Пояснил: дядя Боря Кириллов — рабочий ткацкой фабрики, которая расположена на другом берегу Ирмеса. Он любит деревья. Это Кириллов сажал берёзовую аллею и вокруг фабрики ветлы. А Вова несколько молодых веток срезал, чтобы сделать луки.

Пока он срезал, друзья бродили около дома своего и встали и не заметили на забытый ивгуч. Плётку они распустили, а на ивгучицы стали вырезать свои фамилии. Потом Вовка сплюнул ивгучицу.

— Так было — простодушно подтерли Вова Новиков и плыгучку носом. Крепкий паренёк Вова Новиков, широколицый.

КОЛЯ Егоров тоже паренёк крепкий, и такие же у него на носу весельиш. Он говорил мне: — По деревьям лазить — сила лужина...

Коля учится в шестом классе, а живёт в другой области — Владимирской.

Чем же значит Коля Егоров? А значит он тем, что тоже любит деревья, как и дядя Боря Кириллов, который посадил в берёзовую аллею, и ветлы. К ветлам всегда приходятся гречи, выют гусица, и тогда округа становится густолюдной. Ребята идут на смену, смотрят вверх и улыбаются гусицам, этому молодому крику, итеям — улыбаются жизни.

Коля стоял на крыльце школы и шуршал от солнца. Показал рукой на большой посёлок, блестящий красными черепичными крышами, на ёлки в пришкольном саду, на которых горели оранжево-жёлтые капли, и сказал:

— Это наши Лужки. А вы там река Клязьма течёт. За ней лес. Пролес я вам потом расскажу, а сейчас поведу на Клязьму.

Видел реку Лужку, залудившую, заросшую тонкими ивами. Но ней лодочка торопится, кто-то на том берегу кричит и размахивает руками. Дальше — лес.

— Лес люблю, — сказал Коля и засмеялся.

Как только Коля стал про лес рассказывать, загорелся. Глядя на него, и я увлёкся. И вот уж кажется, что идем мы с Егоровым по лесу, за-

плечами у нас рюкзаки, в карманах ножи, похожие на те, которые я видел у Вовки Новикова и его друзей.

— Ножи в карманах, чтобы ветки боковые срезать, — объясняет Егоров. — Ещё в шипши собирать будем на семена.

Чтобы собрать основные семена, Егоров залезает на дерево — вот тут-то сила нужна. Шипши падают со звоном на землю.

В лес Коля не один ходит, с друзьями: это Миша Михайлов, Володя Голодаев и Миша Струнин. Директор школы Анатолий Александрович Федосов сказал, что дзурва собранная летом 75 килограммов берёзовых почек и полтоны основных шишек.

— Вот и познаюмины я с Вовой Новиковым и Колей Егоровым и их друзьями. Может быть, и не следовало бы противопоставлять их. Мне кажется, мы знакомые из Гаврилова. Поседа поймут, что на зиме изльз дядя Федосов. Всё это они поймут, и чем раньше, тем лучше, потому что тогда взамен срезанных деревьев они посадят десяток. Так ведь?

В. АМИНОВЕВ,
(Наш специальный корреспондент).

Гаврилов Посед — Юрьев-Польский — село Лужки.

конечно, знала, она слышала о том, о чём я говорил. Она даже сама пришла, а потом пошла Марининой.

«Дорого времена время, времени много и мало, долгое время не время, если оно минувало». Она всё знала, но ничего не понимала, вот в чём был фокус.

А ведь это не так сложно, стоит только подумать и разобраться.

Человеческая жизнь так устроена, что в каждый её период — детства, отрочества, юности, зрелости, старости — человеку отведён свой род деятельности. Маленький ребёнок играет, бегает, смеётся, спит, ест и вроде бы ничего не делает. Да и что он может делать? Но он растёт, он познаёт мир, и это всё очень важнее дело.

А когда маленький человек учится говорить — разве это не великий труд? Ведь язык нужен не только людям. В этот труд, как видите, отведено с воё время.

Потом мы начинаем учиться. (Надеюсь, не надо объяснять зачем?) Но на это тоже отведено с воё время. Очень горько, когда взрослые людям приходится садиться за парту. Совсем плохо, когда за спиной у человека остаются годы и потеряны годы времени. Тем более в наш век — век больших споров, великого накопления знаний. Не прочтёшь, не узнаешь, не испытаешь, не поймёшь и сразу отстанешь, подобно второпилку, которому уже поздно бастыть в школу в это время, когда взрослые все на год вперед класса. Ведь у каждого возраста, как я уже сказал, свои дела, свои задачи. Потом будет и о том, как узнавать то, что можно узнать сейчас.

Как же быть? Как же сделать так, чтобы время не проходило зря? Оно не сидит и не спит, когда вокруг так много интересного? Разве кому-нибудь хочется быть покорным, жалким, скучным человеком?

Свою знакомую Таню я спросил в конце концов:

— Таня, а чего ты вообще хочешь?

И услышала ответ, о котором сам догадывался. Таня ответила мне:

— Не знаю.

И тогда я всё окончательно понял. Вот простая причина скуки и лени, покорности и бессмысленного времяпрепровождения: человек не знает, чего он хочет. Вот в чём секрет. Потому что любая, самая маленькая задача, которую себе ставит человек, — написать, достать и прочесть книгу, изучить какое-нибудь дело или название птиц и трав, нарисовать что-то, связать, сделать модель, вырастить цыпца, — это есть любовь к делу сразу же не оставляет нам времени чтобы думать. И так не бывает, чтобы человека не интересовало ничего. Обязательно что-то есть на свете, что вас непременно увлечёт, надо только постараться и найти. Только очень глупый и невежественный человек может зря тратить время.

Я вспомнил одного мальчика, моего приятеля, с которым мы учились вместе, начиная с третьего класса. Теперь это взрослый, солидный, очень занятой и очень хороший человек. Кажется, в пятом классе он придумал такую как бы игру и зарыл её нас всех. Эта игра походила на тиньковскую, но только она касалась каждо-

го в отдельности. Всё заключалось в том, чтобы в течение дня обязательно сделать какое-то доброе дело. Вечером, перед сном, надо было спросить себя: «Что хорошего я сделал сегодня?». И если ответить было ничего, день считался вычеркнутым из жизни и его зачеркивали в календаре чёрным крестом.

Это была серьёзная и непростая игра. Приходилось думать, приходилось стараться, приходилось искать, что считается хорошим делом, а что не считается. Мне даже пытались составлять списки истинно хороших дел или только хороших на хорошем. Но наш друг, наш изобретатель, сказал, что списки не нужны. Потому что каждый человек сам должен знать, хорошо он поступил или плохо.

«Эта непростая игра. «Что хорошего я сделал сегодня? Что? Что?» Стоит задать себе этот вопрос, и вы поймёте, как станет тревожно, как жалко будет восторжествовать прошлым днём.

Попробуйте.

ДАВАЕМ поговорить о времени. Есть у меня знакомая девочка Таня. Немаленькая уже, не первоклашка, веселая как будто, хотя весьма напирная, а умному человеку, веселу и прощай, не имеет признавать. Живёт Таня в огромном городе, где необычайно много интересного, учиться в хорошей школе, и друзья у неё хорошие, и родители, а девушка и вовсе знаменитый человек, весь в орденах. Но вот наблюдая и за своей знакомой Таней в чаще всего живёт, что выражение у неё неподдельное, что-то ей всё время не нравится: то неинтересно, это неинтересно, — и понимаю я, что Таня е с к у н о.

Зимой приходит она из школы, бросает портфель в угол и вздыхает, будто стаяла: «Господи, скорей бы лето!» А наступит лето, Таня в пиджачек не ходит, спит до десяти утра, зевает. Скучая, смотрит телевизор, скучая, листает книгу, которую третий месяц не может прочитать, скучая, пытаясь до двор. Скорей бы зима, что дня, — говорит она.

А недавно я услышал, как Таня, отравляясь спать, опять-таки по-старушечки зевнула: «Ну вот, день прошёл — я слава богу!»

«Как же так? — подумал я, очень расстроенный. — В чём тут дело? Неужели ничего ей не интересно?»

Потом я припомнил, что Таня не хотела, что говорят, что можно встретить таких девочек и ребят. Мало того, и среди взрослых есть немало подобных людей. Выражение «хочу прожить и спать богу!» пришло ведь к нам из дальней старины. И, конечно, нетрудно догадаться, что оно возникло в ту пору, когда людям жилось голодно и холодно, когда бедный человек не знал, чем прокормится. В этих словах звучит покорность: прошеди день, ну и хорошо — как прошеди, так и прошеди.

И, конечно, стал говорить с Таней, стараться её объяснить, как прекрасным, содержательным, наполненным может и должен быть каждый день человеческой жизни, как это глупо, неразумно «буйвать в пустоту».

И что же Таня? Она кивала. Она,

«У меня, например, силы воли совсем нет. Не могу никак сдать нормы ГТО. А в кружок спортивной гимнастики я пошла только потому, что бросила Бросила из-за того, что по телевизору шёл интересный многосерийный фильм. Рассказчик, пожелайста, о силе воли и о том, как полюбить спорт», пишет наша Алла Гаврилова из Уфы. Что же ей ответить?»

А я, НАПРИМЕР, люблю бруснику с брусничкой. Поэтому пошла на колхозный рынок и собирала бруснику. Хорошо, если её много, а если не много? Уже нет сил, промокла нога. А везде наполнено до отказа. И в уже раскостыленный камень и замерз, мечта о чём-то. Но я всё пошла и собираю ягоды. Одну за одной.

«Это что, это всё мелочи, — возразит мне Саша Зельдинчик из Воронежской области. А я вот начала учиться с первого класса. Пробовала бросать — ничего не получается. Может быть, вы мне поможете?»

Не успел я обдумать ответ Саше, а уже слышится голос Лидры Антипова из Кемеровской области: «Вамогте мне стать известным спортсменом. Вот я пишу вам, и слёзы из глаз катятся. И мой брат Витя тоже плачет. Говорит, что пока у него не будет ключик с автографами хоккеистов, он не успокоится».

Потом пришло ещё одно письмо и ещё. И все с такими же «важными, самыми важными проблемами». Вот так история: пока я не смогу сказать судьба решится.

Тут, видимо, нужны другие примеры. Может быть, вот эти? Недавно в Гаване чемпион мира стал советский штангист Владимир Крашinsky. Спеша к тренеру, с чем-то начинала чемпион мира. Оказывается, когда Володя пришёл в секцию, он сначала не смог толкнуть штангу в 65 килограммов. Подожди, подожди в утолщине и — к штанге в 70 килограммов. И толкнул! Тренер в этой мальчишке есть главное — характер, воля!

Тридцать километров по горам! Бегом! Через колючую проволоку, через минные поля, мимо фашистских патрулей. Нужно было преодолеть этот район об опасности, как фотография Анатолия Серебрякова висит в Ятлинском краеведческом музее. Он презудредил, спасс. На груди у него значок ГТО, как орден у сердца. И несомненно, что и будущий асгон, который расскажет о великих бегунах, ему, не успеющему прославиться в состязаниях, будет отведена достойная страница...

«Ну вот, вы то о брусничке, то о чемпионке мира, то о войне. У нас ведь совсем другое», — возразит мне Алла, или Саша, или Андрей.

Другое ли? Знаете притчу о двух лягушках, которые попали в яринку со сметаной? Одна лягушка примчалась сюда так быстро и утонула. Другая била пятачки и не свалилась. Сметана превратилась в масло. Лягушка выпринудила из крики и усакала на волю.

А если поразмышлять о характере лягушек? Первая лягушка по утрам нежилась в сметане, хватала себя при каждой неудаче. А от этого сразу много-много слабости. И ещё, пожалуй, первая лягушка очень любила хвататься. Она могла долго прыгать на лужу, но только тогда, когда её видели другие лягушки. И очень хотела скрыть свой слабый характер, прослыть героиней. Не преодолела себя, она мечтала победить других.

А вторая лягушка? Самая большая победа, когда сумел преодолеть себя! Вечно сидит внутри жалела себя при каждой неудаче. И отвлекает, и сбивает, и уговаривает. Победила этого бекан! Это будет твоя самая важная победа. Об этом никто не узнает, да это и неважно. Зато потом, когда ты вырастешь, о тебе скажут: «Этот человек сильный!»

Вы думаете, почему до сих пор вспоминают об афинском воине, который прибжал в Афины с вестью о победе? Он пробужал 41 километр 185 метров, крикнул: «Победа!» И устал. Но он возматся не только о победе над врагом. Воин стал символом, потому что он возматся о победе человеческого духа.

Е. КРЫЛОВ

ВСТАЮТ В КОЛХОЗЕ РАНО

ПОМНИШЬ, в «Сказке о Военной тайне...»: «Эй же вы, мальчишки, мальчишки-мальши! Или нам, мальчишкам, только в пали играть да в скакании-макати! И уши, и братья уши...»

Послушай, ты носил баян каждый день по пяти километрам, чтобы прийти к жаркому на хлопковом поле и сыграть там! В баме тысяча мальчигов, ну и нужно сыграть три-четыре, потому что короток перерыв у тебя есть.

Ходит баян по дорогам... С ним одиннадцать девочек и четверо мальчишек — пионерская агитбригада «Радуга».

...Подружка моя, Как тебе не стыдно: Весь народ на полях, А тебя не видно!

Бывает, что и такое надо есть у какого-то дома.

Встают в колхозе рано. Особенно в страду. Встают рано и агитбригада. В колхозе 22 бригады, и от каждой есть заявка на концерт.

Дорога длинная, дорога разная... Вдоль иной — попадавший с машин хлопок. Ты чей, белый ручей! Колхозник — значит наш.

На уроках труда баянistas, скрипачки, певцы сплывають щипки. Подпевают или вдоль колхозных дорог.

Смотрят школа на поле широкими окнами. Есть в этой школе замечательный хор, хор певчих или певчих — мри и самодеятельность. Если ты верен в дружбе, верен своей земле, не хитишь — иди в «Радугу».

(С. КАМАНОВ, Наш корреспондент.)

Вторая жизнь Гайдара

Э. ПАШНЕВ

СЕМЕЧКО ПЕРВОЕ

Я УЕЗЖАЛ из Солотчи с пустым блякотом и с небольшим яблоком в кармане. Моей соседкой по купе оказалась учительница русского языка и литературы. Мы познакомились, разговорились. Мне захотелось рассказать ей о пустом блякоте и о яблоке. Я достал из кармана маленький плод с румяным боком и, держа за веточку, спросил: — Знаете, что это такое? — Яблоко. — Нет, это не просто яблоко. Это всё, что осталось от музея Гайдара.

Я немного преувеличивал. Музей в Солотче ещё не было. Его только собирались открыть на бывшей даче Паустовского и Фраермана. Гайдар очень любил тихий деревянный дом с незанютым и банькой по дворе. Он часто приезжал в гости к своим друзьям. В медине у писателя имелся излюбленный газдик, на который он вешал своей брезентовый плащ. В углу стояла уличка. С этой уличкой Константин Георгиевич Паустовский ходил на рыбалку и после смерти Гайдара.

Устроители музея собирались всё так и оставить, чтоб на стене висел плащ, а в углу стояла уличка. Но произошёл непредвиденный случай. Нагай я приехал, от бывшей дачи и будущего музея осталось грубо обрубленных брёвен и полуразвалившийся остаток изоловальной печи. Я стал интересоваться подробностями пожара, зашёл в дом напротив, где жила старушка, всю свою жизнь, с довоенных времён присматривающая за дачей Паустовского и Фраермана. — Агриппина Ивановна Дерюгина.

— Всё сгорело, — сказала она печально, — всё там есть. Осталась только яблоня Гайдара. Он посадил её осенью третьего декабря. Я ему помогала, и он сказал: «А ты, Груня, приходи тогда за ней, поливай». Вот и хожу. Дом сгорел, а экскурсию едут и едут. Из Москвы часто, из Ленинграда, из Рязани. Вчера из Владивостока были, вон значок оставили, — показала она на подушечку для иголок. — И все просит показать яблоню. Её у нас в Солотче Гайдарович зовут. Вы ведь тоже хотите посмотреть Гайдаровиче? Показите, там ещё и яблоки есть. В этом году урожай богатый. Не всё раздала, до поздней осени догнужу.

Мы прошли в сад. Агриппина Ивановна присела на скамеечку возле уцелевшей бани, а я приблизился и широко раскинувшей ветви яблоне Гайдара и с разрешения старой женщины сорвал то самое яблоко, которое теперь показывал своей случайной посетительнице.

— Слушайте, вы его съедите? — спросила учительница.

— Наверное... Могу вас угостить.

— Угостить обязательно, мне бы одно семечко. Мы бы его посадили с ребятами в школьном саду, и у нас тоже выросла бы Гайдарочка. Предоставляете?

Мы разделили маленький плод с розоватым боком пополам и съели его, а семечки сложили на бумажку. Одно учительница взяла себе, а остальные я съел в конверт и спрятал в портфель. И мне пришла мысль: не в поезде мысль, что хорошо было бы распространить назовое семечко, ещё не ставшее деревом, и написать историю памяти, историю второй жизни Гайдара. И я поехал по гайдаровским местам.

Жизнь Аркадия Петровича оборвалась поздней осенью 1941 года, в самом начале войны. Первые же выстрелы на границе поддали Гайдара по тревоге. Он сам себя мобилизовал для службы в армии и пришёл на студию радиовещания, чтобы обратиться к пионерам и школьникам с воззванием «Берись за оружие, комсомольское племя!». Затем после короткой поездки на фронт в качестве специального военного корреспондента «Комсомольской правды» он выступил со статьёй, в которой рассказал, как в прифронтовой полосе на подножке редакционной машины выринул мальчишка лет пятнадцати и попросил:

— Дяденька, дайте два патрона.

— На что тебе патроны?

— А так... на память.

— На память патронов не дают.

Гайдар сунул мальчишке ридитчатую оболочку от ручной гранаты и стрелную блякотную гильзу. Губы мальчишки прерзительно скривились.

— Ну что! Что с них толку?

— Ах, дорогой! Так тебе нужна такая память, с которой можно взять толку!..

Гайдар вынул из кармана пять патронов и протянул их мальчишке, и в своей статье об этом случае написал несколько дней спустя: «Я смотрю ему в глаза. Я кладу ему в горячую руку обойму. Эта обойма от моей винтовки. Она записана на меня. Я беру на себя ответ за то, что каждая выпущенная из этих пяти патронов пуля полетит точно в ту, куда надо, сторону».

Статью «Война и дети» напечатали две газеты: «Комсомольская правда» и «Пионерская правда». Главнокомандующий армией тимуровцев вооружал храброго племя мальчишек для борьбы с фашистами. Мог ли он сам после этого оставаться в тылу, не брать в руки оружие? Это только кажется, что писатели пишут книги словами. На самом деле они их пишут своей жизнью. Скажем, в 1929 году Гайдар приступил к сочинению повести «Школа», по получил на это право раньше, когда революционный штаб Арзамаса разрешил ему присутствовать в почное время на улицах. Враги подстерегли четырнадцатилетнего мальчишку. Удар ножом в грудь только по чистой случайности не оказался смертельным.

В 1935 году вышла из печати повесть «Военная тайна». Но право её написать Аркадий Гайдар получил раньше, скажем, в 1919 году, в бою, где был контужен взрывом петляровского снаряда в голову и ранен в ногу.

В 1939 году в «Детиздате» вышла из печати новая повесть «Судьба барабанщика», но право говорить с юными читателями о «делах суровых и опасных» не меньше, чем сама война, Аркадий Гайдар получил в бою с бандами Антонова, скажем, в тот день, когда был снова контужен в голову и ранен двумя осколками в руку.

И все остальные книжки о подвигах и героизме были оплачены суровыми годами службы в Красной Армии. Хватило права и боевых заслуг у уловленного в залпас по контужен и раненым красному командиру и на то, чтобы обратиться к пионерам и комсомольцам со статьями «Война и дети» и «Берись за оружие, комсомольское племя!». Но Аркадию Гайдару

этого права было недостаточно. Он привык быть впереди тех, кого звал за собой. Врачи не пускали его на фронт. Он перехитрил врачей. Редакционное начальство ему не разрешило оставаться в партизанском отряде. Он остался.

В ту ночь Гайдар шёл впереди небольшого отряда разведчиков. Партизаны несмело двигались вдоль железнодорожной насыпи в окрестности прифронтовой деревни. Они высказали подходящее место для того, чтобы переese железную дорогу Канев—Золотоноша и раствориться, исчезнуть в тихо и ровно шумящем лесу на той стороне. Узенькая тропинка возле будочки путевого обходчика оказалась партизанам тем самым подходящим местом. Гайдар сделал предостерегающий жест рукой, означавший, что его спутники должны поостатать... Опыт разведчика подсказывал ему, что нельзя рисковать всем отрядом при переходе через опасные открытые места. Рисковать в таких случаях должен кто-то один. И Гайдар повелевающим жестом командира выговорил это право на риск для себя.

Партизаны поостали. Они были у подножья насыпи, когда полуоглулёная фигура их командира замерла наверху, выделяясь чётким силуэтом на фоне неба. Гайдар остановился, чётко сознавая, какую он представляет сейчас удобную мишень. Он не двигался, испытывая тишину. За его спиной негромко скатывалась гравий под ногами разведчиков, осторожно поднимавшихся по насыпи. Но впереди было тихо и спокойно. Гайдар поднял руку, собираясь показать, что путь свободен, и вдруг понял в самый последний момент, что не зря так долго стоял на шпалах неподвижно. Впереди была засада. И один из фашистов, не выдержав неподвижности, не дожидаясь, когда все разведчики появятся наверху, шевельнулся. Качнулся куест, скрипнул валежник под чьими-то тяжёлыми сапогами, зловеще блеснул в темноте металл ласки.

— Немцы! Засада! — успел крикнуть Гайдар.

Он выпрыгнул и нажал на гашетку своего автомата, но куда полетели его последние пули, уже не увидел. Фашистская очередь прошила грудь, немцы расстреляли сердце храброго и талантливого человека, и оно перестало биться раньше, чем он упал.

Аркадий Гайдар встретил свою последнюю пулю так, как и должен был встретить пулю, создавший в литературе столько героических образов. Он ни в чём не оказался хуже или слабее своих героев. Он встретил её туло грудью, чтобы заслонить других. Он успел товарищам крикнуть слова предостережения, и они остались живы и ещё долго потом громчили врагов.

А Гайдара похоронили тут же, недалеко от насыпи. И в скором времени гудят партизан, пионеры села Леплява, установили на могиле простую сосновую доску, на которой было написано: «А. П. ГАЙДАР. ПИСАТЕЛЬ И ВОИН, ПУЛЕМЕТЧИК ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА. ПОГИБ 26 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА».

Лукавье истории Хакима

— Сколько тебе лет? — спросили Хакима.
Он отмахнулся:
— В прошлом году было десять, а в этом ещё не считал.

...
— Бок у меня болит, — пожаловался Хаким матери.
— Какой!
Хаким подумал и пояснил:

— Тот, которым я к стенке поворачиваюсь, когда сплю.

...
Хакима спросили:
— Как в ваших местах называют детёныша коровы?
Сколько Хаким ни думал, не мог вспомнить.
— А никак не называют, все ждут, когда он вырастет. Потом уже зовут коровой.

Узбекская ССР.

